

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ФАМИЛИИ КУРТАТИНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ XIX ВЕКА

И.Т. Марзоев

Предлагаемая статья посвящена генеалогии и истории происхождения привилегированного сословия Куртатинского общества Северной Осетии, отраженных в документах и материалах XIX в. Вопросы, касающиеся привилегированных фамилий Куртатинского общества Северной Осетии, в той или иной степени затрагивались отечественными авторами. Целью данной работы является выявление с помощью архивных документов XIX в. происхождения фамилий Куртатинского общества, возводящих свое происхождение к общему родоначальнику Курта, определение их социально-политической значимости в своем обществе, и в Осетии в целом, а также воссоздание их генеалогического древа, получение информации о представителях рассматриваемых фамилий, их браков, которые являются маркерами социального статуса той или иной фамилии в феодальном обществе. Для выполнения поставленных задач, в научный оборот вводятся материалы не опубликованных архивных документов. Это документы «Комитета, учрежденного при Военно-Осетинском округе для разбора земельных и личных прав туземцев этого округа», посемейные списки, составленные самими представителями фамилий в 1859–1860 гг. и 1871–1872 гг., родословные древа, разного рода прошения на имя чиновников Военно-Осетинского округа и Терской области, и др. Объектом исследования являются осетинские фамилии, происходящие из колен Найфона, Тимбола, и Уаласыха, потомков прародителя куртатинских феодалов – Курта. В работе были использованы такие общенаучные методы как анализ, синтез, индукция, а также сопоставительный метод, применяемый к историческим источникам для определения степени их достоверности. Материалы данного исследования могут служить дополнительным источником к изучению истории Северной Осетии. Они позволяют более глубоко и основательно исследовать генеалогию осетинских фамилий.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Северная Осетия, Куртатинское общество, генеалогия, аристократия.

В кавказоведческом труде немецкого ботаника-дендролога Карла Коха (1809–1879) «Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг.», посетившего, во время своего пребывания на Кавказе в 30-х гг. XIX в., Осетию, содержится описание Куртатинского ущелья: «Округ Фиэг населен племенем куртатов и занимает на западе всю долину Фиага от его истоков до впадения в Терек. Как и предыдущий, он состоит из гористой

южной части и равнинной северной части. Первая отделена поперечными горами от Дергипша, которые соединяют Штец с Тобау. Южная, находящаяся в горах часть, образует два района: Шимитт или Цмитти у истоков Фиага и Тринш на Джимаре, речке, впадающей в Фиэг справа. Всего селений – 24». [1, 222–274].

О происхождении Курта существует несколько вариантов легенд. Согласно одному преданию он относится

к потомству Сидамона, сына осетинского правителя Ос-Багатара. Курта и его родной брат Тага (Тагаур) считаются правнуками Сидамона [2, 147].

Куртат и Тагаур поссорились и стали преследовать друг друга из-за одного ястреба (оари), которому Куртат отрезал крылья [3, 82], в результате чего Тага переселился в соседнее ущелье, где стал родоначальником привилегированного сословия тагиат.

Похоронен Курта в Куртатинском ущелье Северной Осетии в ауле Даллагкау. По сообщению доктора В.Б. Пфафа гробницы обоих братьев «действительно стоят на одном видном месте кладбища и весь народ единогласно говорит, что это гробницы Тагаура и Куртата» [3, 81].

Другое предание повествует, что в Куртатинском ущелье «живут осетинцы-горцы, носящие титул «Куртатинский таубий». Еще в средние века в этом ущелье властителем его был князь Хан, у него был единственный сын, после его смерти женатый на княгине Даддани, от которой у него родились три сына: Найфон, Тембол и Уаласых» [4, 352–353].

Относительно имени младшего сына Курта, которого источники традиционно именуют Уаласых, имеется информация, записанная в 1975 г. Б.Б. Басаевым в горах Куртатинского ущелья со слов долгожителей в селении Кадат – 120-летнего Дада Кулова и селении Цмити – Хадзы Дзитиева. Согласно этим записям, третьего сына Курта звали Зейг. Старожилы рассказали несколько преданий. В частности, Дада Кулов рассказал предание о селении Аланты хъау, которое по прошествии времени начали называть «Уаллаг сых» (Верхний квартал). «Сын

Курта возвращался к отцу, и на заставах его товарищи отвечали, что едет сын Курта – Зейг, он алан. Так в народе за ним закрепилось имя «Зейг-Алан». Охотился он на вершине одной горы, которая до сих пор так и называется – Зейг-Алан» [5].

В Куртатинском ущелье Северной Осетии имела место социальная дифференциация, присущая развитому феодальному обществу. Согласно сведениям А. Ардасенова и А. Есиева, которые были опубликованы в статье «Высшее сословие у осетин Куртатинского общества», «осетины, как и кабардинцы, имели четыре сословия: *уазданлагов* (уазданлаг) (князей и дворян), *кавдасардов* (кавдасард) (податных), *фарсагов* (фарсаг) (вольных) и *гурзиаков* (гурдзиаг) (холопов). Существование аристократического сословия в Осетии, Куртатинском, Тагаурском и Дигорском обществах давно уже фактически признано было самим русским правительством. Еще со времен Потемкина-Таврического, который при себе держал аманатами горских князей, были взяты аманатами и из знатных осетинских фамилий несколько лиц, в роде Кубатиева, Арисханова, Цаликова и проч.» [6, 2].

Отдельные владетельные куртатинские фамилии, по свидетельству кабардинских князей, данному ими в 1859 г., обладали «сравнительным уважением и преимуществом против своих единоплеменников» [7, 15]. В документах они именуются старшинами или таубиями (горскими князьями).

В середине XIX в. в Осетии были учреждены несколько комитетов и комиссий, в задачу которых входило определение сословных и поземель-

ных прав жителей всех осетинских обществ. В работе этих организаций принимали участие депутаты всех осетинских обществ и соседних кавказских народов.

8 мая 1858 г. пристав Аллагирских и Куртатинских народов войсковой старшина Д.М. Ярмоленко обратился с рапортом на имя председателя «Комитета, учрежденного для определения личных и поземельных прав туземцев Левого крыла Кавказской линии» генерал-лейтенанта Грамотина: «В исполнение предписания Вашего Превосходительства от сего мая за № 56-м имею честь представить при сем 14-ть человек депутатов, поименованных в прилагаемом при сем именном списке, выбранных жителями Аллагирского и Куртатинского народа, для разъяснения прав каждого сословия. Докладывая притом, что еще по получении первого предписания Вашего Превосходительства за № 45, объявлено было мною всем жителям вверенного мне приставства, как цели учреждения комитета, так и то, чтобы они избирали по своему усмотрению депутатов от каждого сословия из людей сведущих и добросовестных. И при рапорте от 12 мая за № 26 я представил депутатов от обоюродного народа, по два человека каждого сословия, но если произошло смешение фарсалаков с старшинами, то это потому, что депутаты сословия фарсалаков, указанные и признанные в этом сословии целым обществом, предъявили сами свои права на сословие старшин, и тем породили недоразумения. Что же касается относительно моего прибытия в комитет, то я по обязанности службы и положению дел, требующих моего неотлагательного

занятия и разъездов по приставству, явиться в настоящее время не могу» [8, 11–11 об.].

В 1858 г. выборными представителями, назначенными от Куртатинского общества в «Именном списке депутатам от Аллагирского и Куртатинского народа для окончательного определения личных прав туземных жителей» значились представители всех сословий: *куртатинцы*: штабс-капитан Ахмет Цаликов, старшина Умар Караев; *фарсалаки*: Ахсар Дулаев, Габи Абацев; *кавдасарды*: Знаур Гуриев, Хосцау Цаликов [8, 4].

Позже в составе депутатов произошли некоторые изменения и в «Именном списке депутатам, выбранным из среды обществ Аллагирского и Куртатинского народов для объяснения прав», от 28 мая 1858 года, и выборными представителями от куртатинцев в Списке стали значиться: *старшины Куртатинского народа*: штабс-капитан Ахмет Цаликов, юнкера: Кавдын Елоев, Умар Караев; *фарсалаки*: Габис Цоколаев, Ахсар Дулаев; *кавдасарды*: Хосцау Цаликов, Знаур Гуриев» [8, 12–12 об.].

Для подтверждения своих привилегий, а также права «именоваться алдарами» [9, 16–16 об.], претенденты на дворянство подавали прошения в сословные комиссии, к которым прилагали свои поколенные росписи. В них были представлены схемы нисходящего родства всех мужских потомков Курта с указанием браков.

Однако некоторые представители родов заявителей по разным причинам не попали в эти росписи. И для того, чтобы доказать свои сословные права, им приходилось прибегать к свидетельствам своих однофамильцев,

уже признанных в дворянском достоинстве.

Подобное засвидетельствование своего происхождения получил таубий Татархан Кавдынович Хадарцев: «Дано в том, что фамилия Хадарцевых действительно принадлежит к высшему сословию Куртатинского общества, в чем Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей подписом и приложением казенной печати удостоверяет. 6 марта 1871 г. Владикавказ.

Документ подписан и.д. председателя Комиссии подполковником Масловским и делопроизводителем Бароном де Форжет» [10, 13].

В 1871 г. начальником Терской области Лорис-Меликовым было признано привилегированным «высшее куртатинское сословие, известное под именем «куртат»: «в уставе о службе гражданской в своде законов» (т. III, ст. 3–33, 1876 г.) было установлено, что алдары, бадилаты и таубии принимаются на гражданскую службу как «принадлежащие к привилегированным сословиям». Таким образом, правительственная власть признала куртатинских таубиев равными алдарам и бадилатам» [11, 102].

Свое преимущество перед простым народом знатные фамилии Куртатинского общества объясняли происхождением от «родоначальника куртатинских старшин» Курта, родственными связями и «брачными союзами с алдарами и другими высшими сословиями Осетии», владением большим количеством земли, собственными башнями и другими строениями на этих землях [11, 183–186].

Дошедшие до нас генеалогические предания, а также сохранившиеся ар-

хивные материалы, свидетельствуют о браках куртатинских таубиев с аристократией соседних осетинских обществ. Наибольшее число из них приходится на фамилии: а) Алагирского общества – Амбаловых, Баскаевых, Ваниевых, Габановых, Газдановых, Датиных, Икаевых, Караевых, Кулаевых, Мадзаевых, Марзоевых, Ревазовых, Сохиевых, Томаевых, Урусовых, Фардзиновых; б) Тагаурского общества – Алдатовых, Тугановых, Дударовых, Есеновых, Жантиевых, Кундуховых, Тулатовых, Мамсуровых, Тхостовых, Шанаевых, Кануковых; г) Дигорского общества – Абисаловых, Битуевых, Кабановых, Кубатиевых, Мистуловых.

Имели место браки с княжескими и дворянскими фамилиями Кабарды: Ахловыми, Болатовыми, Ельтуховыми, Кунижевными, Муртазовыми и др. И чем больше в фамилии было браков с представителями аристократии соседних осетинских обществ и народов, тем большим авторитетом она обладала, выше был ее социальный статус в глазах общества.

К середине XIX века в Осетии формирование фамилий в привычном для нас виде еще не окончилось. В документах 1859 г. встречаются фамилии, распавшиеся впоследствии на несколько отдельных фамилий. Например, Арисхановы разделились на три фамилии: Арисхановых, Каболовых и Ардасеновых; Тезиевы дали начало Дзодзиковым; Есиевы – Дзахоевым, Огоевы – Парсиевым и Ужеговым, Цаликовы – Арбиевым, Кариаевы – Татаровым и Баразговым и др.

В документе за 1859 г. представители фамилии Гайтовых записаны под фамилией Бритаевых [12, 26об.–27]. Схановы и Сабатовы в 1859 г. значатся

как самостоятельные фамилии, а в семейном списке жителей Владикавказского округа, Тагауро-Куртатинского участка за 1871 г., указаны под фамилией Боговых [13, 3].

Но деятельность указанных комиссий не вполне устраивала куртатинских таубиев. Свои претензии и замечания они выражали в заявлениях и прошениях, адресованных различным инстанциям. 25 февраля 1890 г. Выборные от привилегированного сословия Куртатинского общества: отставной подпоручик Джамбулат Черков, Акберды Цаликов, отставной подполковник Асламуза Есиев, отставной подпоручик Мисирби Гутиев обратились с прошением к военному министру, генерал-адъютанту, генералу от инфантерии Петру Семеновичу Ванновскому, в котором обосновали свое недовольство: «Учрежденная в г. Владикавказ Комиссия для разбора сословных прав горцев Терской и Кубанской областей, окончив возложенные на нее работы, составила проект, по которому, между прочим, признано, что в Куртатинском обществе, основанном на демократических началах, привилегированных сословий не существовало. Проект этот еще в 1872 г. был представлен на усмотрение высшего начальства в Крае, а затем в настоящее время, как нам известно, частно проект о сословных правах горцев находится на рассмотрении в высших правительственных учреждениях Империи, как материал для последующих законодательных работ.

В высшей степени несправедливое и, не основанное на исторических данных и народных обычаях, мнение Комиссии об отсутствии дворянского сословия в Куртатинском обществе,

рядом с признанием той же Комиссией прав дворянства в Тагаурском обществе, всегда и повсюду пользующимся одинаковыми правами с родственным ему Куртатинским обществом, крайне обидно и оскорбительно для целого сословия, имеющего свои права и свои вековые традиции.

Желая защитить свои права, так произвольно отвергнутые Комиссией, Куртатинское привилегированное сословие неоднократно обращалось с просьбами, как к местной администрации, так и к Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, и при этом представило целый ряд доказательств, опровергающих неосновательное мнение Комиссии и абсолютно удостоверяющих о дворянском происхождении нашем и верителей наших. В настоящее время, опасаясь, чтобы вопрос о правах туземцев Терской области не был окончательно разрешен на основании проекта Комиссии, мы решаемся утруждать Ваше Высокопревосходительство, с представлением подробной записки о правах Куртатинцев и доказательствах в подтверждение этих прав.

Из этой записки и перечисленных в ней доказательств, Ваше Высокопревосходительство, благоволите усмотреть, что мы добиваемся не каких либо химерических прав, а тех прав, которые освящены веками и которые неотъемлемо принадлежат нам по рождению.

Почтительно просим Ваше Высокопревосходительство войти в наше положение и оказать высокое покровительство Ваше нам, как истинным слугам Царя и Отечества. Убедительно просим настоящее ходатайство наше разрешить вместе с общим делом о

правах туземцев Терской и Кубанской областей, признав за нами и нашими доверителями права потомственного дворянства. Но если бы и засим оказалось, какое либо сомнение в наших правах, то мы ходатайствуем о дополнении произведенного Комиссией исследования новым местным дознанием» [14, 75–75об.].

К данному прошению прилагалась «Подробная записка о привилегированном Куртатинском сословии», подписанная теми же депутатами от привилегированного сословия Куртатинского общества. В этой записке говорилось: «Вскоре, по водворении Русского владычества на Кавказе, одною из главных забот правительства было выяснить поземельные и сословные права туземного населения Терской и Кубанской областей. С этой целью учреждались сначала разные Комитеты, а в 1865 г., на основании Высочайше утвержденного в 4-й день декабря 1864 г. положения Кавказского Комитета, в г. Владикавказ была учреждена специально, с целью выяснения этих прав, Временная Комиссия, переименованная затем в 1869 г. в постоянную Комиссию для разбора сословных прав горцев Терской и Кубанской областей.

Глубоко благодарное и признательное Правительству за его постоянную заботу туземное население Терской области возлагало все свои надежды на означенную Комиссию и вполне рассчитывало, что права его будут выяснены точно и определенно. Все, издревле принадлежавшие к привилегированному сословию, ни на минуту не сомневались, что права их, от которых всецело зависит благосостояние населения, будут подтверждены,

констатированы законодательной властью и таким образом раз и навсегда вопрос об этих правах будет считаться окончательно решенным. Но, к сожалению многие разочаровались в своем убеждении, так как Комиссия не оправдала этих ожиданий. Представляя сначала целый ряд одно другому противоречащих заключений, в конце концов, Комиссия отвергла привилегированные права сословия Куртат, признав, что в Куртатинском обществе Осетинского племени высшего сословия вовсе нет. Не говоря уже о том, что такое произвольное заключение Комиссии прямо противоречит историческим фактам, народным преданиям, общественным памятникам и показаниям выборных от всех сословий и племен, оно в основании своем нарушает государственный закон, давно уже категорически признавший существование в Куртатии высшего сословия, пользующегося правами наравне с Тагаурскими Алдарами и Дигорскими Баделятами.

Чтобы рельефней доказать несостоятельность заключения Комиссии об отсутствии в Куртатинском обществе высшего сословия приводим следующие факты: Отвергая права Куртатинцев, Комиссия вместе с тем признала, что в Тагаурском обществе высшее сословие существует под названием «алдар». Оба эти общества произошли от двух родных братьев Курта (представитель Куртатинцев) и Тага (представитель Тагаурцев), что признано и самою Комиссией и даже упомянуто в ее докладе. Казалось бы, что одного бесспорного факта совершенно достаточно для признания существования высшего сословия и в Куртатинском обществе, родственном Тагаурскому,

но Комиссия заблагорассудила поступить наоборот. По преданиям и народным обычаям Куртатинское общество ничем существенно не отличается от Тагаурского. Во всех отношениях общества эти руководствуются теми адатами, которыми руководствуется Тагаурцы и прочие Осетинские общества. Как в Тагаурском, так и во всех остальных обществах существовали и существуют высшие и низшие сословия. Между тем, Куртатинское общество произвольно вопреки всяким основаниям, признано каким то изолированным, что очевидно быть не может.

...Известно, что в Осетии имели в зависимости крепостных только высшие сословия, а путем расследования фактически доказано, что как Тагаурцы, так и Куртатинцы имели своих зависимых и своих данников. Подобно Тагаурцам и привилегированные фамилии Куртатинцев (Есиевы, Тезиевы, Борсиевы, Цопановы, Караевы и др.) имели и имеют свои родовые земли и, получая подать с тех фарсалагов, которые жили на этих землях, чего очевидно не могло быть, если бы в Куртатинском обществе, как полагает Комиссия, не было привилегированного сословия. Между тем, в действительности, все указанные факты, еще до водворения русского владычества на Кавказе, служили у нас выражением силы, значения и достоинства известных фамилий и вполне заменяли собой грамоты, служа полным доказательством привилегий. Самое различие размера кровной платы, платимой за кровь убитого фарсалага или лица привилегированного сословия, служит неоспоримым доказательством существования в Куртатинском обществе высшего сословия. Так за кровь убито-

го привилегированного фарсалага платил 324 коровы, причем все движимое имение убийцы поступало во владение семьи убитого. Да кроме того и все жители фарсалагского селения обязаны были отдавать одного быка в пользу привилегированных фамилий, что по местному называлось «Авсады гал». За кровь же убитого фарсалага виновный из высшего сословия платил по определению медиаторского суда, смотря по обстоятельствам и, во всяком случае, плата эта не превышала 200 коров. Фарсалаги не только не оспаривали права высшего сословия в Куртатинском обществе, но напротив весьма часто, желая приобрести себе покровительство членов высшего сословия, брали у них на воспитание детей (амчек) и тем действительно приобретали значительные выгоды, как в материальном, так и в нравственном отношении. Постоянные обоюдные брачные отношения Куртатинцев с Тагаурскими Алдарами и Дигорскими Баделятами всегда служили несомненным доказательством существования высшего сословия в Куртатинском обществе и его равноправности с теми сословиями, вследствие чего признание Комиссией Алдар и Баделят дворянами, бесспорно, должно было привести к заключению и о дворянстве нашем. Но вышло наоборот, хотя подобно нам ни у Тагаурцев, ни у Дигорцев не было, и нет никаких грамот или письменных актов, удостоверяющих права их, и в обоих случаях доказательства происхождения совершенно одинаковы.

Рассчитывая на полное беспристрастие Комиссии, Куртатинцы не могли допустить и мысли, чтобы рядом с признанием дворян в Тагаурском и Дигорском обществах, имею-

щих, как сказано выше, совершенно тождественные с Куртатинцами права и доказательства этих прав, мы явились в качестве каких-то бесправных отщепенцев. Не могли мы этого думать главным образом и потому, что само правительство давно уже и фактически и юридически признало дворянство в Куртатинском обществе наравне с Алдарами и Баделятами. Так наравне с этими сословиями из привилегированного сословия Куртатинцев поступали в Конвой Его Императорского Величества и в Кадетские Корпуса, каковое право принадлежало исключительно только дворянам.

...Существование привилегированного сословия в Куртатинском обществе установлено и законодательной властью. Так, в ст. 25 Свода военных постановлений, издание 1859 г., ч. II, кн. 1 (т. V) выражено, что сыновья старшин Куртатинского племени при поступлении в военную службу пользуются правами вольноопределяющихся 1 разряда, обязанных 4 летним сроком выслуги в унтер офицерском звании до производства в офицеры, каковое преимущество распространяется и на сыновей почетных старшин всех вообще горских обществ Кавказской Линии. Таким образом, законодательство не только категорически подтвердило преимущества высшего сословия Куртатинцев, но даже поставило эти преимущества, так сказать, мерилom для определения прав сыновей почетных старшин всех вообще Горских обществ Кавказской Линии, а при таких условиях права эти поколеблены быть не могут. Затем далее эти права подтверждаются приказом Военного министра от 12 января 1860 г., № 7, Свода военных постановлений,

примеч. к ст. 4282, т.V, ст. 1080 и 320 ст., Т. III, Устава о службе Гражданского свода законов, издание 1876 г. При таких условиях права Куртатинцев поколеблены быть не могут и последнее, не основанное на данных заключение Комиссии всецело нарушает основные государственные законы (Т.1, ч.1., ст.59 и след).

...Народные обычаи и предания, исторический обзор жизни Куртатинцев абсолютно доказывает существование высшего сословия в этом обществе под именем Куртат, названного впоследствии Таубиями. Для установления этого факта в распоряжении Комиссии была целая серия фактов, которые мы и перечислим.

Еще в 1859 и 1860 годах, учрежденный в г. Владикавказ Комитет для определения сословных прав туземных жителей Военно-Осетинского округа, подвергнул тщательному расследованию и рассмотрению те особые права, которыми пользовалось сословие старшин Куртатинского общества. Для разъяснения этих прав Комитетом были допрошены под присягою Депутаты и выборные народом из почетных людей Куртатинского, Алагирского, Тагаурского, Джераховского (ингушевского) и Кабардинского обществ. Причём все опрошенные лица категорически утвердили, что в Куртатинском обществе всегда существовало два сословия, высшее и низшее, из которых первое пользовалось особым уважением не только в своем обществе, но и в соседних народах, и вообще было равноправно с Тагаурскими алдарами, постоянно вступая в родство, как с ними, так и с другими высшими сословиями и имея, подобно им, своих фарсалаг, кавдасардов и

холопов. (Допрос этих депутатов представляется).

Из сборника адатов горцев Северного Кавказа Леонтовича, составленного на основании официальных данных, усматривается, что первый Комитет был учрежден в г. Владикавказ в 1844 г. под председательством генерала Нестерова. По поручению этого Комитета капитан Генерального штаба Нордстренг объезжал все местности, занимаемые осетинским и ингушским племенами, и, собирая местные адаты, лично проследил общественную жизнь и отношения, которые существовали в обществах. При чем, на основании добытых г. Нордстренгом фактических данных, установлено, что Тагаурское и Куртатинское общества основаны на одних и тех же началах, имеют одни и те же обычаи и предания, и как то, так и другое общество подразделяется на четыре сословия. К 1-му сословию принадлежат – «Оздан-Лаги» (дворяне – высшее сословие), ко 2-му – «Фарсаг-Лаги» (вольные люди), к 3-му – «Кавдасарды» (зависимые, рожденные от номулусок) и к 4-му – «Гурдзиаки» (холопы). В Тагаурском обществе, принадлежащих к сословию Оздан-Лаг отнесено 11 фамилий, а в Куртатинском 9 фамилий. Так как все эти сведения были собраны почти в самом начале появления русских в Осетии, когда все обычаи и вековые традиции народа были еще крепки, то естественно факты эти должны были служить Комиссии одним из главных источников при разрешении вопроса о сословных правах Куртатинцев, но Комиссия, как видно, нашла более целесообразным свой собственный взгляд предпочесть положениям, установленным на основании фактических данных.

...Означенный вывод Комиссии находится в противоречии с предыдущими заключениями, опирающимся на фактических данных. Так в протоколе от 15-го декабря 1866 года, составленном с участием начальников округов, лиц, наиболее знакомых с общественным устройством подведомственных им горских обществ, положено отнести сословие Куртат к потомственному дворянству. Затем в докладе Начальнику Терской области от 12 ноября 1879 г. Комиссия заявляет, что по ее мнению, основанному на вполне выясненных его взаимных отношениях между собою всех сословий туземцев Терской области, сословие Куртат должно пользоваться 2-х летним сроком выслуги в строю при поступлении в военную службу. Так как это мнение Комиссии основано на имевшихся в ее распоряжении доказательствах и никаких новых доказательств, опровергающих справедливость предыдущих, ею после того не получено, да и собираемо не было, то понятно, что она не имела уже никакого основания к изложению высказанного ею мнения.

Таким образом, все вышеизложенное, в связи с тем, что до настоящего времени и вся администрация во всех случаях признавала в Куртатинском обществе привилегированное сословие и освободила это сословие от несения тех повинностей, которые лежали на простом народе, вполне доказывает неосновательность мнения Комиссии о демократическом устройстве Куртатинского общества и потому мнение это должно быть отклонено, а мы признаны в правах потомственного дворянства наравне с Алдарами и Баделятами» [14, 76–80].

Родословная привилегированных фамилии в Куртатинском обществе насчитывает несколько столетий. Принадлежность к знатному роду приобреталась лишь рождением, могла передаваться только законным жене и детям, его нельзя было заслужить ни личными заслугами, ни чинами и орденами. Таким образом, куртатинские таубии могут быть отнесены к титулованному осетинскому дворянству.

По итогам исследования была получена ценная историческая, этнографическая, генеалогическая, информация. Привлечение архивных материалов и опубликованных источников позволило добиться поставленных целей и задач исследования: впервые определен полный перечень фамилий Куртатинского общества Северной Осетии, возводящих себя к тому или иному колену из потомства Курта, рассмотрены варианты происхождения фамилий куртатинских таубиев, выявлено количество семей в фамилиях по документам сер. XIX в., имена старших мужчин – глав семейств в фамилиях, их чины и возраст, получе-

ны сведения о браках членов семейств – фамилиях, именах, отчествах и социальном статусе их жен, о грамотах и наградах грузинских царей и Русского правительства, выданных в разное время куртатинским старшинам. Данные результаты дали возможность воссоздать структуру общего генеалогического древа потомков Курта, родословные росписи позволили определить социальный статус указанных куртатинских фамилий.

Согласно документам 1859 г., потомками Курта оказались 56 фамилий, состоящих из 175 семей. Такое количество обусловлено тем, что ввиду древности, большие фамилии стали разделяться на ветви, каждая из которых впоследствии преобразовалась в самостоятельную фамилию. Этот процесс проходил на протяжении всего XIX в.

Вопрос о сословном статусе куртатинских таубиев, как и привилегированных фамилий других осетинских обществ, так и не был разрешен и находился на рассмотрении Государственного Совета и других ведомств Российского государства до самой революции 1917 г.

1. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.

2. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.

3. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. Вып. V.

4. Статья анонимного автора «Куртатинский Тау-бий» // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно-популярный сборник / Сост. Л.А. Чибириков. Цхинвали, 1989. Вып. 4. С. 352–356.

5. Кузнецов В.А. Аланы в Куртатинском ущелье // Северная Осетия. 15 декабря 2018 г. № 230(27709).

6. Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие осетин Куртатинского общества. М., 1899.
7. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). Ф. 291. Оп. 1. Д. 34.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 254. Оп. 1. Д. 11.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 2.
10. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 1. Оп. I. Д. 45.
11. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Грозный, 1947.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 20.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 38.

Marzoev, Islam-Bek T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); isbek@yandex.ru

PRIVILEGED SURNAMENES OF THE KURTATIAN SOCIETY OF NORTH OSSETIA IN THE 19TH CENTURY DOCUMENTS AND MATERIALS.

Keywords: *Russia, Caucasus, North Ossetia, Kurtatian society, genealogy, aristocracy.*

The article determines, using the 19th century archival documents, the origin of the surnames of the Kurtatian society, reducing them from Os-Bagatar, resuming their genealogical tree, determining their socio-political connection in society, and in Ossetia as a whole. To accomplish the tasks set in scientific circulation, materials of unpublished archival documents, genealogical trees, and various kinds of petitions addressed to officials of the Military Ossetian District and the Terek Region, etc. are used. General scientific methods, such as analysis, synthesis, and definition were used, as well as a comparative method applied to a historical source to determine the extent of their application. For the first time, a complete list of families of the Kurtatian society, descended from Kurt's three sons: Naifon, Timbol and Ualasykh, was determined. The variants of the origin of these families are excluded. The results of the study subsequently lead to the emergence of common genealogical trees. Attraction of archival materials and published sources allow achieving the goals and objectives of the study. The materials of this article are fundraising designed to collect data in the history of North Ossetia. They make it possible to more deeply and thoroughly reveal the genealogy of Ossetian families.

REFERENCES

1. Koch, K. *Puteshestvie cherez Rossiyu k Kavkazskomu peresheiku v 1837 i 1838 gg.* [Journey through Russia to the Isthmus of the Caucasus in 1837 and 1838]. *Osetiny glazami russkih i inostrannyh puteshestvennikov* [Ossetians viewed by Russian and foreign travelers. Comp. by B.A. Kaloev]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 320 p.
2. Gutnov, F.Kh. *Srednevekovaya Osetiya* [Medieval Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 1993. 424 p.
3. Pfaf, V.B. *Materialy dlya istorii osetin* [Materials for the history of Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. 1871, iss. V. 399 p.
4. *Stat'ya anonimnogo avtora "Kurtatinskii Tau-bii"* [An article by an anonymous author "Kurtatinsky Tau-biy"]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians. Comp. by L.A. Chibirov]. Tskhinvali, Iryston, 1989, iss. 4, pp. 352–356.
5. Kuznetsov, V.A. *Alany v Kurtatinskom ushchel'e* [Alans in the Kurtatinsky Gorge]. *Severnaya Osetiya* [North Ossetia]. December 15, 2018, no. 230(27709).
6. Ardasenov, A., Esiev, A. *Vysshee soslovie osetin Kurtatinskogo obshchestva* [The upper class of the Ossetians of the Kurtatin society]. Moscow, 1899. 24 p.
7. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 291. Inventory 1. Case 34.
8. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 254. Inventory 1. Case 11.
9. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 262. Inventory 1. Case 2.
10. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund 1. Inventory 1. Case 45.
11. Skitsky, B.V. *Ocherki po istorii osetinskogo naroda s drevneishikh vremen do 1867 g.* [Essays on the history of the Ossetian people from ancient times to 1867]. Grozny, 1947. 194 p.
12. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 291. Inventory 1. Case 13. Part 1.
13. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 291. Inventory 1. Case 20.
14. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 262. Inventory 1. Case 38.